

СИМВОЛ

Осколок-половинка старого голубенького блюдца. Вот уже десять лет стоит на шкафу, марсианскую пыль собирает...

Знаете, что такое символ? Да вряд ли. Это всё от древних греков пошло. У них, в общем, обычай такой был: если два друга надолго разлучались, к примеру, кого-то приспичило в другой город переехать, то они брали какую-нибудь вещь и разбивали её напополам. Каждый забирал себе половинку. А потом, когда встречались, соединяли обратно. А если встречались их дети — по таким штукам они узнавали, что их отцы дружили. Это и называлось символом.

Вы уже поняли, куда я клоню. Да, точно. Беды было две: мой дед знал эту легенду, и, как назло, имел друга. Так что, когда вздумалось ему на Марс податься, они разбили одно из бабкиных блюдца.

Очень трогательно. Даже стильно.

Когда дед стал зарабатывать достаточно, чтобы оплатить разговор с Землёй, друг куда-то запропастился. Ещё бы. Нечего в век высоких технологий шутить с древними легендами.

Первые поселенцы жили недолго. Кто его знает, из-за чего? Разве нам такие вещи скажут?

Обломок перекочевал к моему папаше. Батя к «реликвии» относил-

ся... ну, наверное, как древний грек. Мать рассказывала, что однажды я, трёх годов от роду, решил поиграть с «голубенькой штучкой» и размазал по ней зубную пасту. Отца чуть удар не хватил. И мне впервые крепко влетело. А они с матерью впервые крепко поругались.

В шестнадцать я уже учился на третьем курсе подготовительного и жил там же, в университетском отсеке, выбираясь домой лишь на выходные. В один из таких заездов батя подозвал меня и сунул в руку обломок:

— На, возьми себе.

Я удивился. Может, даже и почувствовал тогда что-то...

— Зачем?

— Пусть у тебя побудет. Надоел он мне. Потом, может, заберу. Знаешь, что это такое?

Ещё бы не знать! Кажется, сколько я себя помню, столько помню историю про глупую дедову затею. И про то, что надо ждать, что когда-нибудь появится человек со второй половинкой и тогда...

Эх, батя, батя. Через полгода закопали его в жёстком марсианском грунте, за куполом. Рак лёгких. До последнего скрывал от нас с матерью. Помню, как стояли мы полукругом в неудобных скафандрах на старом поселенческом кладбище и смотрели,

как робот топит капсулу в коричнево-чёрной яме. Мать подняла руку и стукнула о стекло шлема — машинально пыталась смахнуть слёзы.

Стоит ли говорить, что после этого на голубенький обломок я смотрел иначе, чем отец или дед?

Нет, польза от этой лабуды была. Эффектный способ знакомства с земными туристами:

— Девушка, простите... Вы не видели кого-нибудь с такой же половинкой? Мой дед, покидая Землю, вместе с другом разделил блюдо... знак дружбы... До самой смерти надеялся найти друга, или его наследников... И мой отец тоже... Теперь долг перешёл ко мне...

Одна из них даже написала про меня в какой-то земной газете. Кажется, рыженькая. Катя.

Забавные они, — земные. С нашими такой фокус проходил редко. Пару раз удалось, но не больше. Остальные морщили лобики, плечами пожимали:

— Делов-то. Набери имя этого друга в интернете или пошли запрос на Землю.

Ага, умные какие! Откуда мне знать, почему дед даже имени не сказал? У отца я спросить не решался. У матери тоже. А теперь и спросить не у кого. Только и осталось, что дурацкий обломок на шкафу, да ворох тягостных ассоциаций.

Порою мне казалось, что всё это брехня. Просто дед разбил блюдо и напридумывал белиберды для сына. Типа, чтобы семейная легенда была, чтобы связь с Землёй осталась...

А потом и об этом думать перестал. Не до того. Надо было по жизни пристраиваться.

Окончил подготовительный, затем основной, пошёл работать во второй инвекторный... Ну а кроме работы, само собой, — гулял с девками, тусовался с пацанами, откисал в виртуалке. А голубой обломок благополучно пылился на шкафу.

И лишь иногда, ночью, ворочаясь в синтетическом спальнике, я вспоминал «семейное предание».

Может, дедов друг ещё тогда упал под какой-нибудь поезд, или просто

был убит? Судя по телеку, на Земле все только и делают, что заседают в своих парламентах, покупают прокладки, да убивают друг друга.

А может, его потомки давно уже выбросили свой обломок? Здесь это ещё вроде как память о Земле, а тамто — мусор, как ни крути. У них этого фарфора навалом.

А может, кто-то в эту самую минуту, за сотню миллионов миль отсюда точно также лежит в своей постели и размышляет о том же самом, что и я?

Это мог оказаться даже сам дедов друг (говорили, на Земле некоторые доживают аж до восьмидесяти) или кто-нибудь из его детей, однако я под «кем-то» обычно подразумевал ровесника. А точнее: ровесницу. Всё-таки ведь «вторая половинка». Ещё один греческий миф. Было бы символично.

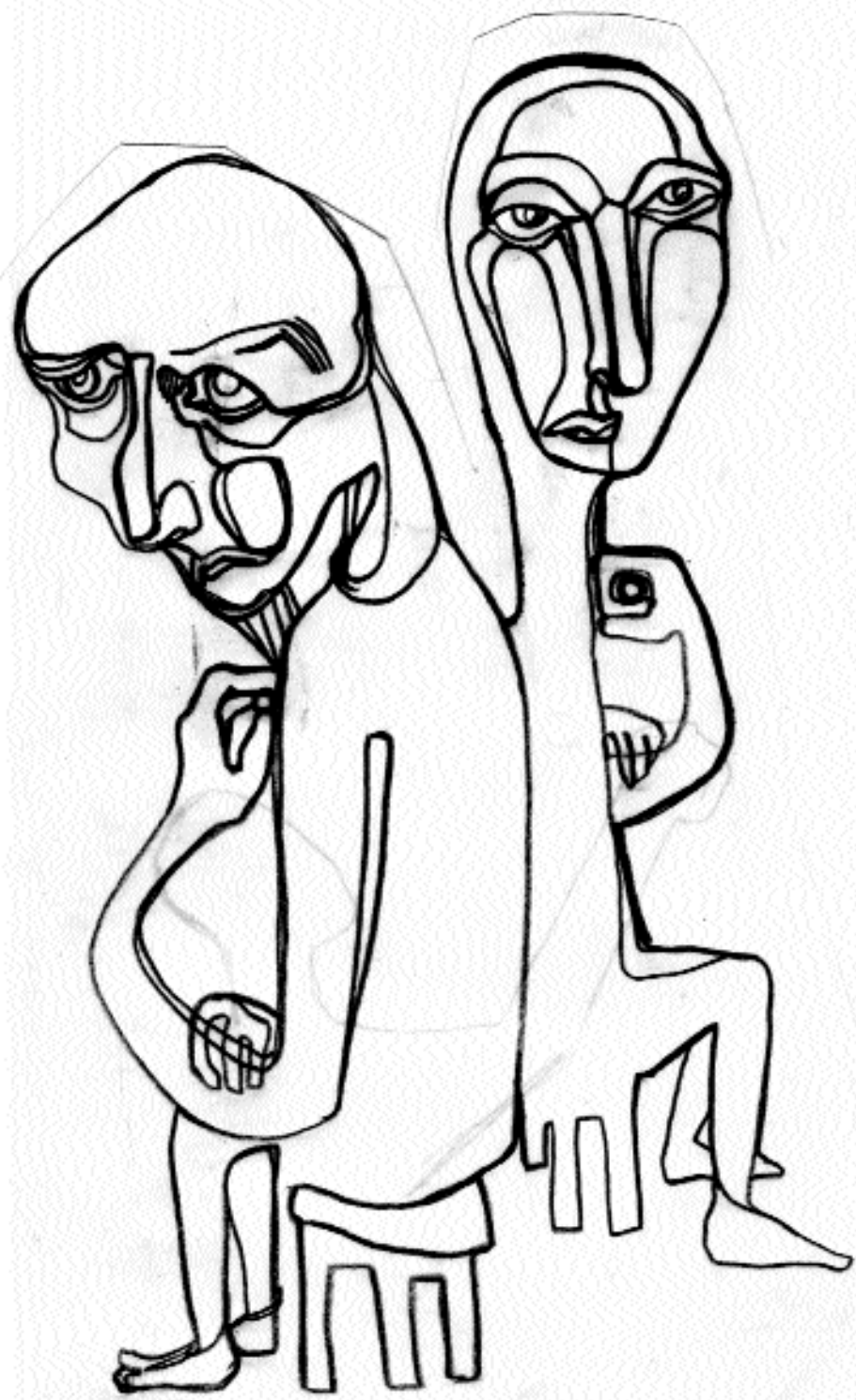
Знаете, даже когда я туристок кадрил, где-то глубоко в душе действительно... немножко ждал... или надеялся... А вдруг? Наверное, именно поэтому они мне так легко верили. И, наоборот, не верили наши. Им-то я стопроцентно лгал...

Да и земные мне больше нравятся, честно говоря. Интересные они. А наши уж больно замороченные. Все их разговоры сводятся к «где работаешь? Кем? Перспективы есть? В каком секторе живёшь?» И дело даже не в том, что и должность у меня не ахти, и с перспективами негусто, и конура моя не в престижном «центре», — а в том, что скучно это всё. Зевать охота, скулы сводит от тоски.

Пожалуй, если жениться, то я бы хотел на земной. Но — куда там. Кроме пары ночей туристки на большее не согласны, да и то не все, далеко не все. А самые интересные, как назло, и вовсе одной вербалкой ограничиваются. И вереница сентиментальных писем потом. Платонические отношения — тоже древние греки выдумали, ядрить их за ногу! Что за вредный народ такой?

При таком раскладе только семейная легенда могла бы реально стать цементом чего-то настоящего... Если бы вдруг... Эх, мечты, мечты...

Конечно, даже если живёт где-то

на далёкой огромной Земле прекрасная девушка со второй половинкой голубого блюда, вероятность, что наши пути когда-нибудь пересекутся — астрономически мала.

Хотя в последние двадцать лет приток туристов растёт. Чуть не каждый месяц летают, если пылевых бурь нет. Началось всё с этих монахов. Точнее, с первого — отца Феофора. Фантастический мужик был, жил в скалах у Фарсидских гор всего с парой кислородных баллонов и оранжерейкой. После его смерти ещё трое в рясах приехали, те уже стационарную базу поставили, честь по чести. Тут и туристы повалили, ещё бы — монастырь на Марсе! Куда до него скучному «Музею освоения» с останками древних советских аппаратов, «рассвету в Великой Северной Равнине» или даже «восхождению на Олимп — самую высокую гору в солнечной системе»!

Кроме туристов иногда спелцы прилетают, кого Компания выписывает. А ещё есть дураки, что летят сюда нелегально, на подработке. Слышат, что здесь уборщик получает в сто раз больше, чем у них, вот и прут сюда. А что хлеб на Марсе в сто раз дороже, чем на Земле, узнают уже здесь, истратившись на рейс, да на взятки в космопорте.

На Марсе, конечно, для всех дело найдётся, только, само собой, на все приличные места наших ставят. Если приглашают спелцов с Земли — то другое дело. А нелегалы... Ну, ассенизаторы всегда нужны. Кто-то работает и нормально приживается, но многие слетают, «опускаются». Становятся «бошами», клянчат еду или воду, валяются на улицах, воняют... Хилые эти земные мужики. Расслабленные какие-то. Марс — не игрушка. Если не работаешь — то и не ешь. И не пьёшь. И никакой тебе соцслужбы, раз тебя сюда никто не звал. Обрати тебе билет никто не оплатит. Даже лечить не обязаны, хотя док Питерс и помогает иногда «бошам», по доброй воле. Да и водой многие делятся, не звери же мы.

Забавно, если окажется, что человек со второй половинкой уже здесь.

А что? Запросто! Например, начальник первого инвекторного год назад прилетел. Интересно бы вышло. Тут уж и должность, и перспективы бы у меня существенно выросли...

А вдруг это один из монахов? Или кто-то из спелцов? Или какой-нибудь апатичный жирдяй-турист? Что мне тогда сказать? Впрочем, знаю: просто отдам этот проклятый обломок и уйду, без лишней болтовни. И выброшу, наконец, всю эту дурь из головы и сердца.

Вся эта дурь мгновенно всколыхнулась и пронеслась передо мной только что.

Только что я увидел человека со вторым голубеньким обломком.

Тихо. Я стою посреди безлюдной улицы. По пластиковым панелям струится жёлтый свет вечерних ламп. С чёрного купола сверху белыми бельмами плятятся Фобос и Деймос. А за моей спиной, шагах в десяти, лежит «боша». Шумно дышит. Скребёт руку этим самым обломком.

Холод в груди. Уйти. Просто уйти, не оборачиваясь. И забыть. Это не моё. Я ничем не обязан. Уйти.

Господи, ну за что это мне? Я ведь не древний грек. Я даже деда никогда не видел. И отцу ничего не обещал. И... я ведь знал, что может быть и так. Знал...

Уйти!

Оборачиваюсь и медленно подхожу к боше. Грязный. Заросший. Тощий. Испуганно прячет обломок в своих лохмотьях. Глядит на меня. Трясётся. Впалые, небритые щёки, воспалённые глаза в провалах, словно из двух чёрных ям. Как же от него воняет!

— Ну... ты это... встать можешь? — мотает лохматой головой, — Ну давай...

Задержав дыхание, касаюсь его лохмотьев, нащупываю руку-палку. Ох, только бы не вырвало...

Поднял его. Идти не может. Ухватил его сбоку, руку перекинул себе на плечо. Ташу вдоль улицы. Только бы никто сейчас не появился, не видел...

Только бы успеть... О нет! Матвейха выползла. Вон как уставилась, дура старая! Завтра все будут пальцами тыкать, да у виска крутить. Ну и к ляду их! Забыть обо всём и просто идти. Тащить этого... Хрипит что-то... Сколько лет-то ему, интересно? Поди разбери. Вроде, старше меня...

Наконец-то! Вваливаемся в мою конуру. Первым делом лезу за флягой, надо этого напоить. Пьёт жадно. Что, ещё? Ну на, пей. Надо же, всю мою двухдневную норму вылакал. Ладно, потерплю. На вот ещё тюбик бульонного концентрата. Теперь — снять с него это вонючее засаленное рваньё. Давай-давай, помогай. Сейчас в дезинфекционный отсек тебя засуну. Да молчи ты, потом поболтаем, когда в человеческий вид придёшь. Залезай!

Пока он в отсеке отпаривался, я запинал в угол его лохмотья, да дезодорантом попрыскал. А всё равно воняет. Выбросить бы их, но вдруг там документы или ещё что... Ладно, давай-ка ему одежду подыщем. Выбор невелик: или выходной костюм, или запасная роба. Пожалуй, робу.

Ну что он там, заснул? Открываю дезотсек, помогаю этому кашею вылезти. Вроде, чуть окреп уже, смотрика, что бульонный концентрат делает. А и впрямь его разморило...

— Иди-ка просппись. Вон туда. Молчи, завтра поговорим. Что сейчас толку от твоего мычания? Давай, вот сюда. Ложись, я застегну. Порядок. Отдыхай!

Хм. А мне, значит... да, никогда ещё не приходилось спать на полу. Костюм постелить, что ли? Интересно, кого я к себе приволок. Среди нелегалов есть не только дураки, охочие до заработков. Попадаются и те, кто с земным законом не в ладах... Задумчиво оглядываю свою конуру. Голубой обломок на шкафу. Ну конечно! Беру его, тру об коленку, счищая пыль. Затем — два шага до кучи лохмотьев на полу. Сажусь на корточках. Морщась, лезу внутрь, прощупывая... Вот оно!

Вытаскиваю второй обломок...

И тут накатывает истерика. Меня распирает от смеха, я сижу на корточках с двумя голубыми кусками в руках и сдавленно хихикаю, вдыхая вонь, смешанную с химической свежестью дезодоранта.

Никакая это не «вторая половинка» блюдца. Просто кусок голубой кафельной плитки, который «боша» где-то отколупал. А я-то принял... Ясно, чего он тогда перепугался. Порча имущества Компании, ага.

Ох...

Бросаю оба обломка, встаю во весь рост, невольно поднимая взгляд и упираясь в низкий потолок. В голове вдруг удивительное спокойствие и ясность. Штиль.

И этот угомонился наконец. Храпит теперь в моём спальнике. А то всё бормотал мне:

— Сынок! Сынок!

ОБ АВТОРЕ:

Писатель-фантаст и историк религии Юрий Валерьевич Максимов родился в Москве в 1979 году. Получил среднее специальное образование по специальности «киноведение» и высшее образование с дипломом религиоведа. Преподаёт в Московской Православной Духовной Семинарии (Сергиев Посад), автор монографии «Религия Креста и религия полумесяца» (2004) и более 50 статей по сравнительному религиоведению, автографии, богословию, истории Востока и киноведения.

Как автор фантастики дебютировал в 2004 году в журнале «Полдень, XXI век» с рассказом «Дерзновение пред лицом Божиим». В прозе, относящейся к т.н. «духовной (или христианской) фантастике», пытается примирить христианскую догматику и идеи НФ. Редактор-составитель первой в истории антологии православной фантастики «Созерцатель» (2004).